

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

П.М. Кожин

ИДВ РАН

Перемены производственных традиций в бронзовом веке Китая

В китайских культурологических исследованиях, посвященных периодизации позднего доисторического и раннеисторического прошлого, остаются очень сильны традиционные представления, сложившиеся в рамках конфуцианской антропологии и отражающие убежденность в том, что все процессы исторического развития на территории Китая протекали достаточно однообразно и были минимально зависимы от внешних культурных воздействий.

Практически все представители ранней археологической науки в Китае придерживались этой точки зрения. Однако результаты многочисленных раскопок в разных регионах страны с разными палеоэкологическими зонами постепенно вступали в противоречие с этой однозначной схематичностью. К настоящему времени уже достаточно ясно видна та неолитическая этнокультурная «чересполосица» (связанная с различными формами культурного развития в разных регионах и в разное время), которая является вполне очевидным следствием двух естественных процессов историко-культурного развития: адаптации местного населения и местных линий развития к естественной природной среде и вариативности (различной направленности и глубины) в материальных формах культурного развития, ставшей реакцией на внешние инновационные воздействия со стороны крупных соседствовавших групп населения или явившихся следствием появления новых соседских коллективов вследствие миграций. Эта картина все более явно противоречит представлениям о незыблемом духовном и политическом единстве (единая мифологическая система, единая государственность), сложившемся на территории современного Китая в доисторические эпохи (оформившимся в творчестве древних и средневековых историографов Китая).

Начало бронзового века связано с возникновением ранней письменной традиции (знаковый репертуар раннего письменного языка и его грамматическая структура в течение последующих тысячелетий китайской истории изменяются *исключительно эволюционно*). Таким образом,

нарративная историография как бы находит твердую опору в сознании исследователей, позволяя им, благодаря единым принципам письменности, непосредственно связывать наиболее древние эпиграфические данные с позднейшей традицией императорского Китая, тем самым подтверждая догматическое положение о культурном и соответственно политическом единстве. Собственно, такого рода ситуация достаточно обычна для ранних этапов развития научной археологии, когда археологический материал стремятся непосредственно привязать к тем немногим фактическим данным, которые содержатся в раннеисторических нарративных памятниках. Однако китайские исследователи нашли очень своеобразный и удачный способ передачи понятия «археология» (наука о древностях) в китайской терминологии, что отразилось и на постановке задач этой науки. Если традиционная китайская археология, трактовавшая об антикварных вещах, древних надписях, древних книгах, издавна получила название «гусюэ» (наука о древностях), то современная научная археология, в отличие от этой традиционной, названа «каогу» (проверка древности). Это очень удачный способ обозначения тех целей, которые преследует современная научная археология [1, с. 1; 2, с. 419–448].

Если мы отвлечемся от обычного постмодернистского подхода к научному творчеству и вернемся к классическому пониманию целей и задач науки как к поиску истины и воссозданию тех путей, посредством которых эта истина реализовывалась, то решающую роль в исследовании приобретают археологический факт и те реальные формы взаимоотношений, которые можно с достоверностью наблюдать, просматривая, исследуя серии взаимосвязанных археологических фактов и не пытаясь трактовать их с позиций более поздней историографической традиции.

При огромном объеме новых археологических исследований в Китае, их углубленности и систематичности приходится признать, что в целом территория страны археологически исследована далеко не всесторонне и определенно неравномерно на всем ее протяжении. В связи с этим возникает необходимость построения картины развития бронзового века с учетом, с одной стороны, специфичности развития каждого региона и каждого локального варианта археологической культуры в ранний период. С другой стороны, не подлежит сомнению истинность положений китайской историографии о нарастании в течение второй половины I тыс. до н.э. политического нивелирования из единого центра процессов не только духовного развития, но и изменений материальной культуры и более широко – самого материального производства. Но даже с учетом этого последнего обстоятельства желательно, считаясь с современной археологической методологией, рассматривать археологические факты для всего периода бронзового века страны, выбирая их из материалов возможно более компактно размещавшихся на археологической карте, причем связанных с местностями, обладающими наиболее близкими природно-экологическими характеристиками. Еще одно – последнее – ограничение, которое приходится иметь в виду, состоит в учете специфических качественных особенностей китайского бронзового века. Несмотря на отдельные мелкие находки, сделанные в слоях неолитических памятников, начало культуры, в которой активно стали производить бронзовые или, скажем шире, металлические

изделия в Китае, было явлением одномоментным, что, в сущности, заставляет думать, что металлургия в исконных областях ханьского расселения от Шаньдуна до Шэньси явилась как внешняя инновация.

Вопрос о конце бронзового века требует более пространного обоснования, ибо появление железа и железных изделий в VI–V вв. до н.э. в памятниках той же территории вовсе не означало, что бронза и вообще сплавы меди окончательно уступают свое место черной металлургии. Учитывая то, что основные предметы вооружения – бытовые, хозяйственные и производственные орудия в основном продолжали изготавливаться из цветных металлов, можно с полным основанием допускать, что бронзовый век условно и пережиточно сохраняется в стране до начала второго века до н.э.

Фактически вопрос о происходивших в течение бронзового века переменах в производственных и хозяйственных традициях, которые могли маркироваться изменением форм бытовых и хозяйственных изделий, связан с обживанием интенсивно заселявшейся в бронзовом веке местности вокруг иньского городища (Иньсюй) в Хэнани, с комплексом памятников в Чжэнчжоу, где наблюдается картина последовательных изменений форм бронзовых изделий, связанных с активностью определенных, достаточно мощных производственных центров. В бронзовой продукции этих центров наблюдается достаточно отчетливое развитие разнообразного набора форм преимущественно бронзовых сосудов в большинстве своем имевших формы триподов и тетраподов, которые часто в общих своих очертаниях или в отдельных деталях могли воспроизводить зооморфные образы. Те же зооморфные образы появлялись и в репертуаре украшений изделий. Однако при просмотре больших серий аньянских бронз становится ясно, что в них идет процесс символизации, схематизации первоначально зооморфных форм и замена их абстрактными символическими фигурами. При этом происходит смена объемной скульптуры барельефными и плоскостными резными изображениями. В целом производство бронзовых изделий претерпевает достаточно своеобразные изменения, связанные с тем, что округлые формы изделий постепенно сменяются прямоугольными. Это распространяется не только на различные втулки, но и на формы самих сосудов. Эта тенденция к изготовлению прямоугольных в горизонтальном разрезе сосудов имеет особенно активное развитие в постаньянский период. Другая особенность оформления бронзовых изделий связана с тем, что первоначальные аньянские виды орнамента выполняются обычно на мелкой сетчатой основе, в пределах которой внутри сетки выполняются еще и спиральные завитки, что создает очень дробный и как бы перегруженный фон для основных зооморфных и геометрических фигур. В дальнейшем эта фоновая сетка снимается и ее заменяет достаточно абстрактный равномерный геометрический рисунок. Орнаментальное поле на изделиях постепенно начинает занимать все меньшую часть поверхности. К середине I тыс. до н.э. орнаментальные поля, заполненные абстрактными геометрическими построениями, состоящими из лент, приобретают характерную грубую монолитность, часто полностью отмечающую разрыв первоначальной зооморфной традиции с позднейшей геометрической символической. Вопрос заключается только в одном – как хронологически реально

могут быть соотнесены эти три различающихся принципа орнаментального оформления с общепринятым историческим делением (это деление, отраженное ханьской историографией, не дает четких материальных показателей для выявления различий финальной иньской и раннечжоуской культурами, а бронзы с надписями делятся между западно- и восточно-чжоускими скорее по наитию, чем на основании ясных хронологических показателей) культуры на шан-иньскую, сичжоускую и дунчжоускую. Во всяком случае, указанное деление проявляется в памятниках среднего течения Хуанхэ отчетливо не только в репертуаре бронзовых изделий, но и в сопровождающих произведениях, выполненных из кости, нефрита и других пород камня. Однако если принципиальное деление производственных традиций бронзового века на не менее чем четыре самостоятельных, даже самобытных фазы не вызывает сомнений, то переходные моменты между этими фазами археологическими, хронологическими реперами пока четко не разделены и вопрос о совпадении или различиях исторических и археологических датировок отдельных периодов и характере переходов между ними (кратковременный или постепенный, длительный) пока еще не может быть снят с обсуждения.

Литература

1. Чжунго да байкэ цюаньшу. Каогусяэ (Большая китайская энциклопедия. Археология). Пекин–Шанхай, 1986.
2. *Кожин П.М.* Археологические исследования в КНР и их значение в современной историко-политической научной проблематике // Институт Дальнего Востока РАН. Информационный бюллетень № 33. М., 1982.